

Найбольш зручным рашэннем у полацкім выпадку стала арэнда памяшканняў у мясцовых жы-хараў. У 1847 г. свой дом для пераўладкавання ў часовую халерную бальніцу перадаў мешчанін Восіп Антонавіч Сімановіч [11, арк. 133].

У Віцебску падчас халеры мяшчане таксама за плату здавалі дамы пад халерныя бальніцы [6, арк. 32].

Для барацьбы з эпідэмічнымі захворваннямі санітарныя нормы прымаліся на ўзроўні усёй імперыі. Яны падпісаваліся непасрэдна імператарам. Так, падчас эпідэміі халеры быў разасланы імператарскі ўказ (у Віцебскую губерню было накіравана 73 яго асобнікі), у якім выкладаліся правілы, што тычыліся знішчэння смуроду. У дакуменце вялікая ўвага надавалася ачышчэнню адыходных месцаў і памыйных ям [7, арк. 4].

Значным мерапрыемствам на месцах, накіраваным на супрацьдзеянне росту захворванняў, быў кантроль за якасцю ежы. Усе прадукты, якія траплялі ў гарады, падлягалі праверцы. У 1830–1831 гг., аkurat падчас эпідэміі халеры, ажыццяўляўся агляд транспарту з садавіной, які заязджаў у Віцебск. Насельніцтву даваліся парады не ўжываць сырую садавіну і гародніну, а замачваць яе або саліць [11, арк. 4].

Зразумела, што з халерай сутыкаліся не толькі звычайныя жыхары гарадоў і вёсак. Востра праблема заразных захворванняў стаяла і сярод людзей, якія адбывалі зняволенне ў турме. Халера не абышла бокам і Віцебскі турэмны замак. Яго наглядчык у жніўні 1853 г. паведамляў, што арыштантаў паміраюць ад халеры, бо турма не забяспечана нават мінімальнай колькасцю медыцынскіх прэпаратаў. У рапарце адзначалася, што адсутнічалі базавыя запасы спірту, палыну і іншых засцерагальных сродкаў, з дапамогай якіх можна было аказваць медыцынскую дапамогу зняволеным [5, арк. 75].

Халера да пачатку XX ст. заставалася самай небяспечнай хваробай, якая забірала больш за ўсё жыццяў. Эфектыўнасць барацьбы з ёй зніжалася з-за няведання яе сапраўднага ўзбуджальніка і спосабу перадачы, а таксама з-за забабонаў і недастатковай інфармаванасці насельніцтва. Сітуацыя карэнным чынам пачала мяняцца толькі ў пачатку XX ст.

1. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (далей – НГАБ). – Ф. 1297. Воп. 1. Спр. 4673.

2. НГАБ. – Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 2620.

3. НГАБ. – Ф. 2657. Воп. 1. Спр. 12.

4. НГАБ. – Ф. 2657. Воп. 1. Спр. 14.

5. НГАБ. – Ф. 2657. Воп. 1. Спр. 23.

6. НГАБ. – Ф. 2657. Воп. 1. Спр. 26.

7. НГАБ. – Ф. 2657. Воп. 1. Спр. 30.

8. НГАБ. – Ф. 2657. Воп. 1. Спр. 6.

9. НГАБ. – Ф. 2657. Воп. 1. Спр. 9.

10. НГАБ. – Ф. 2657. Воп. 1. Спр. 1.

11. НГАБ. – Ф. 2657. Воп. 1. Спр. 4.

Игнатьева А.А.

**ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ АРХИВОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПО СОСТАВЛЕНИЮ БИОГРАФИЙ ДВОРЯН БЕЛОРУССКО-ЛИТОВСКИХ ГУБЕРНИЙ –
У ЧАСТНИКОВ ВОЕННОЙ КАМПАНИИ 1812 Г. В СОСТАВЕ ОФИЦЕРСКОГО КОРПУСА
РОССИЙСКОЙ АРМИИ**

Сохранение памяти народа о наиболее значимых военных событиях прошлого входит в приоритетное направление политики белорусского государства. Не исключением является война 1812 г. и ее участники. Выявление имен дворян-уроженцев белорусских земель, принявших участие в боевых действиях в составе офицерского корпуса российской армии, представляет не только научный интерес, но и помогает сформировать национальную позицию по данному историческому событию, увековечить память героев. Обращение именно к дворянскому сословию не случайно. Во-первых, в начале XIX века дворянство являлось высшим сословием Российской империи, которое задавало вектор дальнейшего развития общества, во-вторых, оно представляло собой служилое сословие, и военная служба была одним из вариантов построения карьеры и служения обществу (не случайно, более 80 % офицерского корпуса российской армии приходилось именно на дворянство), в-третьих, именно на дворянство, наделенное всеми полномочиями власти над остальным населением, в наиболее сложный исторический период возлагалась обязанность возглавить и организовать защиту отечества [1, с. 77]. Таким образом, обоснованность решения обозначенной проблемы предполагает проведение комплексного исследования по выявлению дворян белорусско-литовских губерний –участников военных событий 1812 г. в составе офицерского корпуса российской армии и составлению их биографий.

Детальная подготовка биографий обозначенных лиц невозможна без обращения к архивным источникам. Ведущие российские государственные архивы, в частности, Российский государственный военно-исторический архив (г. Москва) и Российский государственный исторический архив (г. Санкт-Петербург) содержат обширные и уникальные коллекции документов по различным сферам жизни общества, из числа которых есть те, которые обладают достаточной информативностью для решения поставленной задачи. Проведенный нами поиск документов в данных архивах позволил выделить следующие виды документов официального делопроизводства Российской империи первой половины XIX века личного характера для составления биографий: формулярные списки и дворянские родословные книги.

Наиболее полные сведения биографического характера представлены в формулярных или послужных списках. Под формулярным (послужным) списком понимают документ, который составлялся на всех служащих по военному и гражданскому ведомствам. Появление формуляра в делопроизводстве Российской империи относится ко второй половине XVIII века. В течение времени его форма подвергалась незначительным изменениям. В целом, в нем была представлена информация: фамилия, имя, отчество, место происхождения и сословная принадлежность, возраст, имущественное положение, образовательный уровень, продвижение по службе, участие в военных кампаниях и сражениях (для военнослужащих), семейное положение, получение наград и наличие нарушений.

Так, в Российском государственном военно-историческом архиве представлена коллекция формулярных и послужных списков военнослужащих российской армии за 1812–1816 гг. (фонд 489), сведения из которых являются основой для составления персоналий дворян белорусско-литовских губерний – участников войны 1812 г. в составе офицерского корпуса российской армии [2]. Информация из формулярных списков обладает высокой степенью достоверности, так как к их составлению в полковых канцеляриях подходили довольно тщательно. Постоянный контроль над ведением формулярных списков возлагался на Инспекторскую экспедицию Военной коллегии (после января 1812 г. Инспекторский департамент Военного министерства), куда отправлялся один из экземпляров формулярного списка каждого военнослужащего. Также сами военнослужащие были заинтересованы в правильности занесения в документ их личных данных. При обнаружении неточностей, относящихся к их карьере, они могли обратиться с просьбой внести в формуляр недостающую запись или исправить ошибку [1, с. 42, 43]. Таким образом, сведения из формуляров, отражающие основные этапы службы, являются базой при составлении их биографий.

После наполеоновских войн многие офицеры из-за полученных ранений не могли продолжать военную службу и вышли в отставку, надеясь найти себе применение в мирной жизни. Для обеспечения заботы о таких лицах 18 августа 1814 г. был создан Комитет о раненых. Для трудоустройства указанных офицеров Комитет министров направил императору записку о существующих вакансиях в различных министерствах и ведомствах, которые можно было восполнить отставными офицерами. Указ Александра I от 5 мая 1816 г. данный генералу-фельдмаршалу Н. И. Салтыкову, предписывал объявить министрам «наблюдать следующее правило: при открытии вакансий не иначе замещать места, показанные в записке, к раненым офицерам по удостоению Комитета, учрежденного в день 18 августа 1814 г.» [3, с. 632]. Из предложенного перечня вакансий отставные офицеры часто выбирали службу в полицейских органах администрации в качестве полицмейстеров, городничих, земских исправников. Не исключением стали и бывшие офицеры-дворяне белорусско-литовских губерний. В Российском государственном историческом архиве в фонде Департамента полиции исполнительной МВД (фонд 1286) сохранились дела о назначении, перемещении, награждении служащих данного ведомства. Дела содержат в себе переписку должностных лиц по различным кадровым вопросам, а также формулярные списки полицейских чиновников. Так, среди отставных офицеров-дворян белорусско-литовских губерний, которые поступили на службу в полицию в качестве городничих или полицмейстеров, и чьи формуляры были обнаружены в фонде, можно назвать: Л. С. Герасимовича, П. Ф. Гофмейстера, И. Ф. Гринфельда, И. А. Магнушевского, В. М. Ржецкого [4, л. 6–7; 5, л. 11; 6, л. 40–41; 7, с. 3–4; 8, л. 8–9]. Занимали отставные дворяне-офицеры вакансии и в иных государственных учреждениях, а также избирались на выборные от дворянства должности хорунжих, судей, уездных предводителей дворянства и др. Их формулярные списки отложились в фонде Придворной его императорского величества конторе Министерства императорского двора (фонд 469) и фонде Формулярных списков гражданского ведомства (фонд 1349) [9; 10].

Таким образом, обращение к формулярным спискам отставных офицеров-дворян белорусско-литовских губерний, поступивших на службу по гражданскому ведомству, позволяет не только проследить этапы смены ими рода деятельности, но и дает возможность увидеть изменения их семейного и имущественного положения (вступление в брак, рождение детей, приобретение или продажа имений).

К дополнительным источникам биографического и генеалогического характера относятся также дворянские родословные книги. В Российском государственном историческом архиве в фонде Департамента Герольдии Правительствующего Сената (фонд 1343, опись № 51) отложились их копии. Именно в эту инстанцию отсылался один из экземпляров родословной книги каждой из губерний Российской империи, второй экземпляр хранился в губернском правлении. В данном фонде наиболее полно представлены дворянские родословные книги по Витебской (за 1824, 1825, 1827, 1828, 1829, 1830, 1831, 1833, 1834 гг.) и Гродненской (за 1841, 1842, 1843, 1913 гг.) губерниям. По Минской, Могилевской губерниям имеются только списки сопричисленных дворян и списки дворян данных губерний. Документы под названием «Дворянские родословные книги» отложились и по Виленской и Ковенской губерниям, но они представляют скорее списки дворян, утвержденных в дворянстве за период с 1841 по 1861 гг. (Виленская губерния) и с 1823 по 1841 гг., с 1839 по 1841 гг., с 1841 по 1861 гг., с 1861 по 1871 гг. (Ковенская губерния).

Информация, представленная в дворянских родословных книгах, свидетельствует о наличии или отсутствии герба, предках, потомках, имениях, времени причисления рода офицеров-дворян к высшему сословию Российской империи. Имеются сведения об отставных офицерах-дворянах белорусско-литовских губерний и в дворянских родословных книгах других губерний, что объясняется мобильностью данных лиц (вступление в брак, поступление на гражданскую службу, приобретение имущества во внутренних губерниях). Так, следующие офицеры-дворяне П. П. Останевич, М.Н. и А.Н. Сахацкие были причислены к дворянам Курской, Московской, Тверской губерний [11, л. 91; 12, л. 21; 13, л. 168]. В целом, обращение к этому виду источников проясняет многие вопросы генеалогии и обеспечивает полноту биографических сведений.

Таким образом, формулярные списки и дворянские родословные книги являются полноценной источниковой базой для составления биографий дворян белорусско-литовских губерний – участников военной кампании 1812 г. в составе офицерского корпуса российской армии и реконструкции их исторического образа.

1. Целорунго, Д. Г. Офицеры русской армии – участники Бородинского сражения: историко-социол.исслед. / Д. Г. Целорунго. – М. : Калита, 2002. – 367 с.
2. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф. 489. Оп. 1.
3. Полное собрание законов Российской империи с 1649 по 12 декабря 1825 года. – Собрание первое : в 45 т. – Т. 33 : 1815–1816. – СПб., 1830. – 1173 с.
4. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). – Ф. 1286. Оп. 3. 1825. Д. 221. Л. 6–7.
5. РГИА. – Ф. 1286. Оп. 3. 1825. Д. 242. Л. 11.
6. РГИА. – Ф. 1286. Оп. 3. 1825. Д. 313. Л. 40–41.
7. РГИА. – Ф. 1286. Оп. 3. 1825. Д. 431. Л. 3–4.
8. РГИА. – Ф. 1286. Оп. 6. 1836. Д. 179. Л. 8–9.
9. РГИА. – Ф. 469.
10. РГИА. – Ф. 1349.
11. РГИА. – Ф. 1343. Оп. 51. Д. 161. Л. 91.
12. РГИА. – Ф. 1343. Оп. 51. Д. 324. Л. 21.
13. РГИА. – Ф. 1343. Оп. 51. Д. 778. Л. 168.

Воднева Е.В.

ПРАВЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В ЭПОХУ НИКОЛАЯ I (ПО МАТЕРИАЛАМ Ф.В. БУЛГАРИНА)

Фаддей Венедиктович Булгарин – выходец из белорусских земель – сумел стать известным российским журналистом. Печатное наследие Ф. В. Булгарина включает около сорока томов романов, повестей и рассказов, годовые переплеты периодических изданий. Он является основоположником нравоописательного романа («Иван Выжигин») и одним из начинателей исторического романа («Димитрий Самозванец») в русской литературе. Наш земляк одним из первых ввел в русскую литературу жанры военного рассказа, фантастического очерка и фельетона. Ф. В. Булгарин стоял у истоков российской периодической печати, а также активно участвовал в формировании современного русского литературного языка [1, с. 13–14].

Описание нравов российского общества в эпоху Николая I – одно из ключевых направлений в творчестве Ф. В. Булгарина. Публицистические и литературные произведения, а также аналитические записки журналиста в III отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии являются ключевыми источниками по данной проблематике. Публикации в периодических изданиях «Северный архив» [2], «Литературные листки» [3], «Детский собеседник» [4], «Эконом» [5] позволяют раскрыть взгляды Фаддея Булгарина на самые разные стороны российского общества в эпоху Николая I.

Основное место в отражении мировоззрения Ф.В. Булгарина занимает анализ ведущего издания второй четверти XIX в. – «Северной пчелы», которая стала первой в России частной газетой и выходила более 30 лет. Газета была очень популярна среди российских читателей. «Северная пчела» во-